Робинзон Кузо

и сон, у которого нашлись швы

Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и сон, у которого нашлись швы

«Автор»
2026

Шешуков А.

Робинзон Кузо и сон, у которого нашлись швы / А. Шешуков — «Автор», 2026

Молочный туман усыпил команду корабля, а проснувшись, Кузо и Пуговка оказались в городе, где всегда полдень и всё будто бы прекрасно. Только чайка пролетает дважды, а капитан Барсур куда-то исчез. Чтобы найти его и вернуться к друзьям, Кузо придётся разобраться, кто соткал этот удивительный сон и почему из него так трудно проснуться.

© Шешуков А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Слова, которых не было в нотах 5
Глава 2. Туман, который пах молоком 8
Глава 3. Город, где всегда полдень 10
Глава 4. Чайка пролетела дважды 12
Глава 5. Брусника и голубика 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и сон, у которого нашлись швы

Глава 1. Слова, которых не было в нотах

Лист с мелодией Тави лежал на столе уже пятый день. С одного края Кузо придавил его кружкой, с другого — собственным локтем. Так лист никуда не мог улететь. Слова к нему тоже никуда не улетали, потому что их пока не было.

Тави, мальчик с гитарой из Кедровой бухты, оставил под нотами пустые строчки. «Место для слов», — сказал он тогда на причале и улыбнулся так, будто дарил не задание, а пирог. Кузо в тот день решил, что слова придут сами. Слова, как оказалось, сами не приходят. Они похожи на рыбу: можно долго сидеть над водой, а она плавает где-то рядом и посматривает на тебя из глубины.

Кот написал: «Ветер идёт по дороге». Зачеркнул. Написал: «По дороге идёт ветер». Посмотрел на обе строчки и понял, что разница между ними примерно такая же, как между левым и правым башмаком.

— Получается? — спросила Пуговка.

Мышка сидела на краю койки, поджав ноги, и пришивала к синей курточке внутренний карман для карандаша. Задумала она его ещё в Кедровой бухте и с тех пор успела сшить чехол для фонаря, починить Брамсу прихватку и поменять пуговицу на собственном рукаве. Ей нравилось доделывать начатое. Кузо это в ней немного восхищало, а немного пугало.

— Получается, — ответил кот. — Зачёркивать.

— Это тоже работа.

— Тогда я сегодня очень много работал.

Пуговка откусила нитку, сунула в карман карандаш и наклонилась вперёд, посильнее, чтобы уж наверняка. Карандаш не выпал.

— Вот, — сказала она довольно. — Теперь можно смотреть вниз за борт и не терять ничего, кроме терпения.

Над картой на нитке покачивалась бумажная туфля. Её подарил Иль, прозрачный мальчик из Семизвона, и с тех пор она висела тут вместо компаса. Последние дни туфля всё время поворачивалась носком назад, к Кедровой бухте, словно ещё не нагулялась там. Кузо тронул её лапой. Туфля сделала круг и снова уставилась на корму.

С камбуза, корабельной кухни, донеслось пение. Брамс пел про горох, который отправился в поход. Теперь в песне был и куплет про кастрюлю, но кок всё время путал, кто кого догоняет: горох кастрюлю или кастрюля горох. От этого песня каждый раз кончалась по-новому.

— Кастрюля впереди! — крикнул ему Кузо через стенку.

— Она тяжелее, — донеслось с камбуза. — Ей нельзя впереди. Она отстанет.

Спорить с поваром о кастрюлях — дело безнадёжное.

Галеон шёл третий день от Кедровой бухты. Море лежало ровное, синее, ленивое, как кот после обеда. Барсур с утра стоял у штурвала и молчал, а когда капитан молчит, значит, всё идёт как надо. Тревожиться стоило тогда, когда Барсур начинал говорить длинными предложениями.

Вечером случилось чудо.

Там, где нос резал воду, вспыхнула голубая полоса. Потом ещё одна. Потом волна, отходя от корабля, засветилась вся, словно кто-то провёл по морю кисточкой, обмакнутой в лунный свет.

— Пуговка! Море горит!

Мышка уже была рядом. Она перегнулась через поручень и придержала карандаш в новом кармане — пригодился, да ещё в первый же вечер.

— Не горит, — сказала она, глядя вниз во все глаза. — Светится. Мне мастер рассказывал. В воде живут крошки, такие маленькие, что в одной капле их может быть целая деревня. Когда их толкают, они светятся. Как светлячки, только морские.

— Им больно?

— Нет. Это как вздрогнуть. Ты же вздрагиваешь, когда тебя неожиданно трогают?

Кузо вспомнил, как утром Брамс тронул его за плечо, а он подпрыгнул так, что стукнулся ухом о фонарь.

— Вздрагиваю.

— Вот. А они вздрагивают светом.

Брамс вышел на палубу, вытирая лапы полотенцем, посмотрел на море и сказал:

— Красиво. Только его не испечёшь.

Это была высшая похвала, на которую был способен кок.

Когда стемнело совсем, Кузо сделал то, что делал каждый вечер с тех пор, как впервые поднялся на борт. Он встал у самой толстой, средней мачты, задрал голову и начал считать.

Раз — у самого носа, тёмная, высокая. Два, три — с подвязанными парусами. Четыре — та, к которой он прислонялся спиной. Пять, шесть, семь — до самой кормы, всё ниже и ниже, как ступеньки, по которым ночь спускалась к воде.

Семь. Семь мачт северного галеона.

Сначала он считал их от удивления, потом от радости, а потом просто потому, что так засыпалось спокойнее. Наверное, когда у тебя есть что-то, что всегда на своём месте, ты и сам чувствуешь себя немного на своём месте.

— Опять считаешь? — Барсур подошёл неслышно, как подходят только старые коты.

— Семь, — доложил Кузо.

— Было бы восемь, я бы забеспокоился.

Капитан постоял рядом, потом полез в карман куртки и вытащил маленький холщовый мешочек. Понюхал его. Сунул обратно.

— Что это?

— Мох.

— Зачем?

— На всякий случай.

Барсур считал, что объяснения портятся, если их долго держать на воздухе. Но Кузо и так вспомнил: когда-то капитан заткнул уши мхом, чтобы вывести корабль из пещеры, где пели так сладко, что моряки забывали, куда плывут. С тех пор он не любил песен. Никаких. Даже про горох.

— Капитан, а почему «на всякий случай» именно сейчас?

Барсур посмотрел на горизонт. Там, далеко, над водой лежала тонкая белая полоска. То ли облако, то ли туман.

— Вода тёплая не по сезону, — сказал он. — И пахнет молоком. Иди спать, Кузо.

Кот пошёл. В каюте он ещё раз взглянул на ноты Тави и вдруг написал внизу, на пустой строчке, первые за пять дней слова, которые не захотелось зачеркнуть:

«Семь мачт стоят, и я стою…»

Дальше не придумалось. Он перечитал строчку три раза и всё равно не зачеркнул. Потом погасил фонарь в Пуговкином чехле и уснул, слушая, как за бортом вздрагивает светом море.

Туфля Иля в темноте медленно повернулась. Теперь она смотрела не назад, а вперёд.

Глава 2. Туман, который пах молоком

Утром белая полоска на горизонте выросла в стену.

Туман стоял над водой ровно, как сложенное бельё. Галеон шёл прямо на него, и Кузо всё ждал, что станет холодно и сыро, как бывает в тумане. Но когда нос корабля вошёл в белое, стало тепло. Тепло, мягко и тихо, будто кто-то накинул на палубу пуховое одеяло.

И запахло молоком. Тёплым, с пенкой, с капелькой мёда.

Кузо невольно облизнулся. Так пахло в его прежнем доме, когда старый кот, который его вырастил, ставил по вечерам на печку кастрюльку. От этого запаха сразу захотелось лечь, свернуться и чтобы кто-нибудь почесал за ухом.

— Странный туман, — сказала Пуговка и зевнула. Зевнула и удивилась. — Я же только встала.

— Я тоже, — сказал Кузо и тоже зевнул.

Зевнул вахтенный матрос. Зевнул Брамс, выглянувший с камбуза.

— Пироги сегодня будут, — сообщил кок, — но позже. Тесто тоже спит.

Барсур стоял у штурвала и не зевал. Он стоял очень прямо. Лицо у него было такое, какое бывает у кота, который услышал за стеной мышь и ещё не решил, что с этим делать.

А потом пришла песня.

Её никто не пел. Не было ни голоса, ни слов. Песня просто появилась в воздухе, как появляется запах. Тихая, медленная, на три ноты: вверх, вниз и ещё раз вниз, туда, где тепло. Она качалась, как колыбель.

— Баю-бай, — прошептала Пуговка. — Это колыбельная. Мне такую…

Она не договорила. Села прямо на свёрнутый канат и положила голову на коленки.

Кузо тряхнул ушами. Песня не вытряхивалась. Она была уже немного внутри, где-то между ушами и сердцем. Говорила: отдохни. Ты зачёркивал слова пять дней. Ты устал быть помощником главного помощника. Здесь можно никем не быть. Здесь тепло.

Краем глаза кот увидел, как Барсур быстро достал холщовый мешочек, вытащил два комочка мха и затолкал их себе в уши. Решительно, по очереди, левое — правое. Как будто закрывал двери в доме перед грозой.

— Капитан… — сказал Кузо. Голос вышел ватный.

Барсур не слышал, но понял всё по лицу. Он сунул лапу в мешочек снова. Пошарил. Вывернул мешочек наизнанку. Мха было ровно на одного кота.

Барсур выругался — беззвучно и очень коротко, одними усами, — и крикнул что-то, чего Кузо уже не разобрал. Кажется, «держись». Или «не спи». Оба совета были хорошие, но ни один не помогал.

Из тумана, совсем близко, выплыл берег.

Он был белый и мягкий на вид, будто кто-то сложил у воды огромные подушки.

Брамс сел прямо у дверей камбуза, прислонился к косяку и захрапел — сразу, без предупреждения, как умеют только очень большие и очень честные барсуки.

Кузо держался. Он видел лицо Барсура и понимал, что капитану нужна помощь, хоть какая-нибудь. Кот вцепился когтями в доски палубы. Песня гладила его по голове. Ну куда тебе, говорила она. Всё уже хорошо.

Тогда он сделал единственное, что пришло в голову. Он поднял глаза и стал считать мачты.

Раз. Над ней туман.

Два. Три.

Песня пошла медленнее, словно удивилась.

Четыре. Он прислонился к ней спиной. Дерево было тёплое.

Пять.

Шесть…

Дальше было что-то ещё. Он точно знал, что было. Он считал это каждый вечер. Но число куда-то уплыло, как рыба из ладони. Шесть, а дальше… тепло.

Кузо закрыл глаза.

Последнее, что он почувствовал, была лапа Барсура. Капитан поднял его, как поднимают котёнка, — за шкирку, бережно, — и отнёс к стене рубки, где не дуло. Положил рядом с Пуговкой. Накрыл обоих куском запасного паруса.

Потом Барсур вернулся к штурвалу.

Если бы в этот момент на галеон посмотрел с высоты альбатрос, он бы увидел вот что. Огромный корабль с семью мачтами медленно входил в тихую белую бухту. На палубе спали все: матросы у канатов, кок у камбуза, мышка и молодой кот под парусиной. Спали и улыбались. А у штурвала стоял старый кот с мхом в ушах, совсем один, и вёл корабль сквозь туман, щурясь так, будто смотрел против солнца.

Он бросил якорь. Проверил цепь. Подошёл к спящим, посмотрел на них долго-долго. Пуговка во сне что-то шила — пальцы шевелились. Брамс во сне пробовал суп — шевелились усы. Кузо во сне улыбался так широко, как не улыбался, кажется, ни разу наяву.

— Ну, — сказал Барсур в тишину, не слыша сам себя. — Посмотрим, кто тут поёт.

Он спустил шлюпку и, пока было светло, отправился на берег.

Глава 3. Город, где всегда полдень

Кузо проснулся оттого, что ему было хорошо.

Он лежал на палубе, на тёплых досках, и над ним было небо. Голубое, без единого облачка. Солнце стояло прямо над головой, большое и доброе.

Галеон стоял у причала из светлого дерева, гладкого, будто его каждый день натирали воском. За причалом поднимался город.

Город был такой, какой рисуешь в детстве, когда ещё не знаешь, что дома бывают кривыми. Белые стены, красные крыши, на каждом окне — горшок с цветами. Улочки бежали вверх по холму, и на каждом углу стояла скамейка. Над площадью висели флажки. Пахло пирогами, свежей травой и чем-то ещё, сладким, знакомым.

— Приплыли, — сказала Пуговка. Она стояла у борта, свежая, весёлая, и курточка на ней была как новая. — Кузо, мы приплыли! Ты всё проспал.

— А туман?

— Какой туман?

Кот хотел объяснить, но вдруг понял, что не очень помнит. Был какой-то туман. Или нет. Было море, которое светилось. Это точно. А потом… потом вот город.

— Неважно, — сказал он, и это была чистая правда: ему действительно было неважно. Ему было хорошо.

Город назывался Вечный Полдень. Так было написано на арке над входом с причала — золотыми буквами, с завитушками. Под надписью стояли двое жителей: пожилой ёж в соломенной шляпе и маленькая соня с пушистым хвостом. Ёж держал поднос с пирожками.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Угощайтесь. Это бесплатно.

— Совсем? — удивился Брамс и сразу подошёл к подносу, как подходят к старому другу.

— У нас всё бесплатно, — сказала соня. — И всегда тепло. И никто никогда не ссорится.

Брамс взял пирожок. Откусил. Закрыл глаза.

— Идеальный, — сказал он медленно. — Не подгорел. Тесто ровное. Начинка до самого края.

— У нас ничего не подгорает, — кивнул ёж.

Кок посмотрел на пирожок с уважением, как на коллегу.

На площади Брамса узнали. Хотя как могли узнать, если он тут ни разу не был? Но узнали: «Это же знаменитый Брамс! Тот самый!» Его тут же повели в большую кухню с сияющими медными кастрюлями и дали белый колпак. Колпак сел ровно, словно был сшит по мерке. Брамс посмотрел на себя в начищенный котёл и сказал: «Хм». Так он говорил только про очень хорошую муку. Кузо даже немного позавидовал.

Пуговке на соседней улице досталась мастерская. Настоящая, с большим столом, с ящичками для иголок и с окном на море. Когда мышка взяла иголку, шов побежал за ней сам: ровный, мелкий, без единой ошибки. Она сшила за минуту воздушного змея. Он сразу полетел. Сшила птицу — не бумажную, а матерчатую. Птица взмахнула крыльями с первого раза.

— С первого раза, — повторила Пуговка. Голос у неё был радостный и растерянный одновременно. — Кузо, у меня с первого раза.

— Так это же хорошо.

— Хорошо, — согласилась она и посмотрела на свой блокнот. Блокнот лежал на краю стола закрытый. Она его почему-то не открывала.

Кузо гулял по городу.

Жители здесь были разные. Козы в кружевных чепцах. Важный гусь-почтальон. Целая семья сонь, похожих на пушистые варежки. Толстый бобёр в полосатом жилете сидел на скамейке и улыбался. Все улыбались. Никто никуда не спешил.

Кот заметил, что на улицах совсем нет луж. Ни одной кривой ступеньки, о которую можно споткнуться. И ни одного малыша с разбитой коленкой — а ведь там, где много детей, всегда есть хотя бы одна разбитая коленка. Это закон, как бутерброд маслом вниз.

«Здесь просто хорошие ступеньки», — подумал Кузо и пошёл дальше.

Он нашёл скамейку на солнце, лёг на неё и стал смотреть на море. Солнце грело спину. Было так тепло, что даже мысли стали медленными. Хорошо, думал Кузо. Наконец-то. Никуда не надо плыть, ничего не надо зачёркивать.

И вдруг вспомнил старый дом, где вырос: тёплый диван, камин, вечернее молоко. Он ведь когда-то ушёл оттуда, потому что хотел ветра, который может унести. А теперь лежал на скамейке под солнцем, которое никуда не двигалось, и чувствовал себя так, будто вернулся к дивану. Только диван стал размером с целый город.

Мысль была колючая, и Кузо её отодвинул. Колючие мысли легко отодвигать, когда тепло.

— Нравится? — спросила маленькая соня. Она опять оказалась рядом, та самая, от арки.

— Очень. Здесь всегда так?

— Всегда. Всегда полдень. Поэтому город так и называется.

— А вечер?

Соня посмотрела на него с недоумением, будто он спросил, какого цвета у рыбы шерсть.

— Зачем вечер?

Кузо не нашёлся, что ответить. Действительно, зачем? Вечером заканчиваются праздники. А здесь праздник не заканчивался.

— А где Барсур? — вдруг спросил он вслух.

Капитана он с утра не видел ни на причале, ни на площади, ни на палубе.

— Ушёл по делам, наверное, — сам себе ответил Кузо, и соня кивнула. — Капитаны всегда по делам.

Это было разумно. И Кузо перестал удивляться — сразу, легко, как перестают чесаться, когда почешешь.

Он закрыл глаза и подставил солнцу нос.

Если бы он в этот момент открыл блокнот Пуговки, он бы увидел, что первая страница, на которой мышка каждое утро записывала вопрос дня, пуста. Впервые за всё путешествие.

Глава 4. Чайка пролетела дважды

Первой ошиблась чайка.

Кузо лежал на той же скамейке и лениво следил за ней одним глазом. Это была обыкновенная белая чайка с серыми крыльями и жёлтым клювом. Она пролетела над причалом слева направо, сказала «кья-а!» — противно и протяжно, как говорят все чайки на свете, — и скрылась за крышей рыбной лавки.

Кот снова прикрыл глаза.

Слева направо пролетела чайка. «Кья-а!» Скрылась за крышей рыбной лавки.

Кузо открыл оба глаза.

Это была та же чайка. Не похожая — та же. Он знал это так же точно, как знал свой хвост. Тот же поворот крыла, та же серая крапинка на левом боку. И «кья-а» тот же: с хрипотцой в конце, будто чайка немного простудилась.

По спине, от затылка до кончика хвоста, пробежал холодок. С котами такое бывает: шерсть встаёт дыбом раньше, чем ты успеваешь понять, что не так.

— Ты видела? — спросил он у сони, которая опять стояла рядом. Она, кажется, всё время стояла где-то рядом.

— Что?

— Чайку. Она пролетела два раза. Одинаково.

— А, — сказала соня. — Это дежавю. Бывает.

Она сказала это так спокойно, что Кузо почти успокоился. Почти.

Дежавю — это когда кажется, что всё уже было: те же слова, тот же свет из окна. Пуговкин мастер называл это икотой памяти. Но тут ничего не казалось. Чайка действительно пролетела дважды.

Кузо встал со скамейки и посмотрел на свою тень. Тень лежала под ним маленьким чёрным пятнышком, как бывает только ровно в полдень.

Это он тоже знал. Старый кот, который его вырастил, когда-то воткнул во дворе палку и показал: смотри. Утром тень от палки длинная, тянется на запад. Потом становится всё короче и поворачивается, как стрелка. В полдень она самая маленькая. Вечером снова вытягивается, только уже на восток. Солнце идёт по небу, а тень бежит за ним с другой стороны. «Вот тебе часы, — говорил старик, — и не надо никаких шестерёнок». Кузо тогда целый день бегал к палке и отмечал тень камешками. Получился полукруг из камешков, похожий на улыбку.

Кот нашёл на мостовой маленький белый камешек и положил его у края своей тени. Потом сел рядом и стал ждать. Мысленно спел куплет про горох. Два раза.

Тень не сдвинулась ни на волосок. Камешек лежал ровно там, где лежал. Солнце висело ровно там, где висело.

— Здесь всегда полдень, — сказала соня за его спиной. В её голосе не было ничего плохого. Просто напоминание. Как напоминают, что пора обедать.

— Я понял, — сказал Кузо. — Просто… солнце же должно ходить.

— Зачем?

Объяснить, зачем солнцу ходить, оказалось удивительно трудно. Это всё равно что объяснить, зачем вода мокрая. Так просто есть. А здесь так просто нет.

Холодок на спине не проходил.

Кузо почти бегом пошёл к причалу. Ему вдруг очень захотелось увидеть галеон — родной, деревянный, пахнущий смолой.

Корабль стоял у причала. Кот задрал голову и начал считать.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Он моргнул.

На месте седьмой мачты было что-то странное. Мачта там была, но как будто не до конца. Она дрожала, словно отражение в воде, когда по ней проводишь лапой. То появлялась, то становилась прозрачной. Шесть с половиной.

Кузо зажмурился, досчитал до десяти и открыл глаза.

Шесть. Шесть ровных крепких мачт и пустое место у кормы, где только воздух чуть-чуть рябил, как над горячей печкой.

— Седьмая, — сказал кот. Голос сел. — Где седьмая?

Никто не ответил. Соня отстала. Ёж с подносом стоял у арки и улыбался в пустоту. Гусь-почтальон шёл мимо с сумкой и не обернулся.

Кузо почувствовал себя очень маленьким. Почти котёнком, как тогда, у забора, когда за спиной был дом, а впереди лес. Ему захотелось бежать к Брамсу на кухню, уткнуться в его тёплый фартук и чтобы кто-нибудь большой сказал: глупости, Кузо, все мачты на месте.

Но он помнил ещё одну вещь, которую говорил старик. «Если чего-то не понимаешь, не убегай. Убежать всегда успеешь. Сначала посмотри внимательно».

Кузо посмотрел внимательно.

И увидел птицу.

Она сидела на коньке крыши таможни — тёмная, узкая, с длинными серповидными крыльями, сложенными за спиной, как два острых ножика для бумаги. Птица не была похожа ни на одного жителя Вечного Полдня. Она не улыбалась. Она смотрела прямо на Кузо — внимательно, спокойно, чуть склонив голову. Так смотрят на того, кого давно ждали и наконец дождались.

Когда кот встретился с ней взглядом, птица чуть заметно кивнула.

Потом сорвалась с крыши — так быстро, что воздух свистнул, — и исчезла за домами.

На черепице, где она сидела, осталось маленькое тёмное пёрышко. Оно не блестело, как блестело здесь всё остальное. Оно было обыкновенное.

Где-то за крышей рыбной лавки чайка сказала «кья-а!» — в третий раз. Точно так же.

Глава 5. Брусника и голубика

За пёрышком пришлось лезть по бочке и навесу на крышу таможни, и всё это — на глазах у ежа с подносом. Ёж смотрел и улыбался. Никто не крикнул «слезай немедленно», как кричат всегда, когда кот лезет на крышу. Это было, пожалуй, самое странное за весь день.

Пёрышко было шершавое и немного пахло дождём. А дождя в Вечном Полдне, понятное дело, не бывало.

— Не урони, — сказали над ухом.

Кузо чуть не свалился с конька. Птица сидела рядом. Он не услышал, как она прилетела, — просто только что её не было, а теперь она была.

Вблизи она оказалась стрижом — с белым горлышком, которого издали не было видно.

— Я Ласса, — сказала птица. — Пойдём. Быстро. Не оглядывайся на чайку.

— Почему?

— Потому что она опять прилетит. А тебе надо смотреть туда, куда идёшь.

Ласса сорвалась с крыши, и Кузо скатился следом. Стрижиха летела низко, над самой мостовой, и ждала его на углах — коротко, нетерпеливо, как ждут медленных друзей.

На одном углу у фонаря стоял господин в клетчатом пальто, мягком, как плед, с чашкой в лапах. Он не догонял. Просто вежливо смотрел им вслед и чуть-чуть качал головой: ай-ай-ай.

— Не останавливайся, — сказала Ласса.

На самом верху холма стояла старая башня с часами. Обе стрелки смотрели строго вверх, на двенадцать, и видно было, что смотрят туда очень давно. От минутной стрелки к цифре один тянулась паутинка, но так и не дотянулась.

Ласса нырнула в окошко под часами. Кузо протиснулся следом.

Внутри было полутемно и прохладно. Пахло железом и морской водой. Посередине, среди больших остановившихся шестерёнок, стоял дельфин.

Кузо не сразу понял, что это дельфин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.